

Далёкая война

Глобален мир и замысел глобален.
А где-то люди бродят среди развалин:
для них уже настал конец времён.
Ты не виновен в этих преступлениях?
Ты весь в благополучных отдаленьях.
Не иск пока, а риск тебе вменён.

* * *

Порой сознаю удивлённо:
живу, словно надо отжить.
А после вернусь просветлённым:
реваншем себя ублажить.

И хочется, в общем-то, мало:
предстать настоящим, другим.
И всем доказать запоздало —
всем, кто не ценил меня, — им!

Конкретно кому — непонятно!
Ещё непонятней — зачем?
Что прошлое? — смутные пятна.
Клубок отработанных тем.

И зыбкая памяти бездна
досадные прячет слои:
вдогон искупать бесполезно
былые ошибки свои.

Родился сын

Закатываю шторы, как поднимаю флаг;
неспешно выпиваю кружку чая.
Родился сын: я счастлив, мечтательно размяк —
ЕГО звеном важнейшим назначая.

И я во что-то встроен, и я звено в цепи,
и я к чему-то прочному пришёл же!
Мне предки завещали: упорствуй и терпи;
продолжи род ответственно, продолжи!

Родился сын, наследник, и мысли всё о нём!
А в думах — поколений вереница.
Совсем я успокоюсь, когда весенним днём
у сына тоже первый сын родится!

Гимн

Мы тоскуем в нашем гимне
по иной стране.
Значит, всё же взяли Зимний
те, кто жил «На дне»!

Возникают пустоты

Возникают пустоты, растворяется нить.
Не отпущен с работы друга я хоронить.
Эта вечная гонка, ненормальный режим —
вот и рвётся где тонко в пятьдесят с небольшим!

Говорил же он как-то, что смертельно устал.
Мы пехота де-факто, и понятен финал:
скоро всем поколеньем тихо выйдем в тираж —
импульс наших стремлений дальше не передашь.

Не давить бы на жалость, нужным быть перестав.
Чтоб игра продолжалась, заменяют состав.
Да и годы — к закату, пик давно позади.
Соответствуй формату или дома сиди!

...Нам обещано место и в посмертном строю.
А узнаем с небес-то мы Россию свою?
Неизбывность разлуки начинается тут.
Может хоть наши внуки лучше нас проживут!

Дорожу лишь сказкой

Достаются крохи от земных щедрот:
То ли мы так плохи, то ли строй не тот?

И отцы терпели над собою кнут,
ради смутной цели избегая смут.

До какой опушки через топь и грязь
нам катить царь-пушки, с нищетой мирясь?

...Злюч я в глине вязкой, желчен я еси!
Дорожу лишь сказкой о Святой Руси.

...Был бы вождь-надёжа — справедлив и яр —
поднялись бы всё же супротив бояр!

Верецагин

Уж не знаю, за что мне обидно,
но я мзду до сих пор не беру!
В положенье своём незавидном
всё служу, прогоняя хандру.

Очень трудно придётся России:
появилась вдруг в людях гнильца.
...Пусть запомнят меня молодые
«честь имеющим» до конца!

Тост

Сколько вы пережили, милые вы мои!
Как надрывали жилы ради своей семьи!

Вырастут наши дети — им бы достигнуть звёзд!
Мы же — за всё в ответе — тянем посильный воз.

Дачи купить успели, холим клочки земли.
Ставя простые цели — Родину сберегли!

Судеб драматургия... Не было б вот, войны...
Счастья вам, дорогие, — с праздником всей страны!

Старик

Старческий серпантин,
творческий серпентарий.
Вот и дожил до руин
бедный поэт-пролетарий.

Каждому свой удел,
помыслы и расплата.

Верю, что он хотел
труд воспевать когда-то!

Вирши про честный хлеб,
сборник «Моя бригада».

Искренен был и слеп:
думал, народу — надо!

Глух испокон народ
к тонкостям изъяснений.
Не приставай — пошлёт,
хоть ты и трижды гений!

...Прав ли старик, говоря:
«И поделом стихоплёту!»

Может быть всё и зазря,
но ведь по большому счёту!

Где наш рабочий класс,
согнанный с пьедестала?
Гордости нет у масс,
самосознания мало.

Двадцать первый

Прежний век был волкодав —
номер двадцать.

Нас учили: если прав —
не сдаваться!

Создавать пора стачком,
огрызаясь.

Двадцать первый — век-очко,
век-мерзавец!

Путём зерна

*...получить урожаем зерновых хорошего качества
от семян массовых репродукций невозможно.*

Из статьи в интернете

...Путём зерна. Путём зерна...

Душа земле родной верна —
литературной ниве.

Но мы — плохие семена.

Ты преврати нас в хлеб, страна!

Вскорми другие имена —
так будет справедливей!

Постепенность

Постепенность во всём — ошибаться нельзя,
впрочем, помню: рука шахматиста
превращает обычную пешку в ферзя,
а слона боевого — в статиста.

Невозможен победный исход-результат,
безусловно, желанный когда-то;
не видать мне и зрелого пата:
продолжают маневры войска невпопад.

Есть ли что-нибудь нам за пределом «доски»?

Не позволят стоять даже сбоку.

Разжимаешь стального цейтнота тиски
завершением партии к сроку.

Я, как этот король, проторчал в затишке,
подчиняясь стандартной разметке.

Тоже нонсенс: «свободные клетки»!
Чуешь пальцы стратега порой на башке.

И этюды теперь — беспросветная дичь:
быть разменянным больше не модно!
Собирался настичь, собирался постичь:
настоящая мудрость — бесплодна.
Всё ни шатко, ни валко — своим чередом;
еле слышен тревожащий зуммер.
Но, покуда «властитель не умер»,
добиваюсь ничьей хоть, упорным трудом.

Раб

В начале было Слово,
и в Слове было «раб».
Дождался выходного —
стихи писать пора б!

Ярмо одно и то же:
паши, пока живой!
Несчастный раб, я должен
талант вернуть с лихвой!

...Режим автопилота:
работа, дом, семья.
Не пишется мне что-то —
выматываюсь я.

Гневлив и неприкаян,
отзывчив, но бескрыл.
Не обессудь, Хозяин,
и я твой дар зарыл!

...Всё просто и непросто:
непишущий поэт
сыграет роль компоста
для рвущихся на свет.

Проявленности Бога
в мерцании сердец.
Нелепый ты немного,
страдальческий венец!

Сон о приближенье

Сон о приближенье, о «почти».
О молчком съедаемом сухпае.
Некая непройденность пути
на твоей ладони проступает.

Надо постараться, надо смочь!
Как-то одолеть и эти вёрсты.
Ночь, покуда правит миром ночь,
белые ущелья не развёрсты.

Похвалялся, идучи на рать,
а теперь оправдываться впору:

жизни не хватило отыграть
данную в запальчивости фору!

Не особо много ты постиг:
нам доступно только приближенье;
только уяснение из книг
сути бесконечного движенья.

Снежная встречает целина
поезд, замедляющийся мимо.
Путнику, что смотрит из окна,
поле перейти необходимо.

Неизвестный читатель,
присягнувший Сети,
как больного в палате
ты меня посети.

Это разве не чудо —
интернета среда!
Ты прочтёшь ниоткуда —
я писал в никуда.

Почитай мои вирши —
неплохие вполне,
о гордыне-вампирише,
об изнанке-цене.

Только каждый тут, кстати,
не открою секрет —
Неизвестный Читатель
и Безвестный Поэт!

Циклоп

Циклопу жалко глаза —
глаз где-то есть, зараза:
йог, слопанный на ужин,
не завершил рассказ.

Вздыхнул циклоп уныло,
дослушать можно было!
Он так в пещере нужен —
надбровный третий глаз!

Дерево

«Верхушка, вольготно под солнцем тебе?
Там птички поют о счастливой судьбе!
А мы тут стоим и не ропщем —
корнями, вот, держимся, в общем!»

...Вершине весь свет, а не мне, не комлю!
Ведь я это, тёмный, всю тяжесть терплю —
моя корневая система!
Не правда ли, острая тема?

Пусть спилят что выше — я пнём доживу,
чужую на срез принимая листву!
Зато, заработавший грыжу,
хоть неба кусочек увижу!

...Повалено ветром, лежит на боку
огромное дерево в самом соку —
как будто низвергнуто с трона.
Уж слишком пышна была корона?

Аввакум

В тесном тамбуре — словно в таборе,
правда, курят все — не поют!
Выпивающий, выступающий,
выживающий русский люд.

Восприму я бред о причинах бед;
колыхнётся дум пелена.

От иных трудов не вкусить плодов:
вроде истина... и — стена!

А вселенная — тяжёлая!
Чёрный трюм она, белый шум!
Оглянись вокруг — затухает звук.
Это вакуум, Аввакум!

* * *

Светлое изнеможение.
Нужно немного поспать.
В принципе, да, достижение —
самого края опять.

Цель безгранична во времени —
ей весь ресурс моих сил!

Об уменьшении бремени
я никогда не просил.

Делаю, господи, делаю —
делаю я, что могу!

Жизнью оплачена целою
встреча на том берегу!

* * *

Вечное Синее Небо.
Снова душой я не здесь.
Кроме понятной насущности хлеба
сфера духовного есть.

То, что над смертными нами,
над коллективной судьбой.
Всадник незримый качнёт стременами,
плетью взмахнёт голубой!

Чуток возникшей струною
замер я, словно молясь.
С духами предков, родной стороною
чувствую, чувствую связь!

Сутью проникнуться мне бы:
даст и последний приют
доброе Вечное Синее Небо —
пристальный наш Абсолют!